

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

Россия, Санкт-Петербург.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Профессор, доктор социологических наук.

Russia, St-Petersburg.

The State Russian Herzen Pedagogical University (Herzen University).

Professor, Doctor of Social Sciences.

krokinskaya@mail.ru

СЛОВО КАК ЕДИНИЦА ПОВЕСТВОВАНИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРСА И НАРРАТИВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АНКЕТЕ*

В статье публикуются основные результаты социологического проекта «Феноменология социальных страхов» (НИИКСИ СПбГУ, 2010–2012 гг.). Особенностью представления материалов является изложение эмпирических данных исследования в сопровождении методологического обоснования процедур их получения. В фокусе внимания статьи — анализ социальных чувств страха, тревог и беспокойств, связанных с индивидуальными и социальными проблемами России в настоящее время. Охарактеризованы отношения «народ—власть», представлен диагностический «профиль» социально-этического климата в стране, проведен анализ устойчивости российской идентичности в проективных условиях ее изменения. В методологическом плане обоснована возможность использования элементарных форм дискурса и нарратива для получения базовых результатов исследования в составе социологической анкеты и в процедурах анкетного опроса.

Ключевые слова: качественные методы в социологии, дискурс и нарратив в социологической анкете, социальные страхи, дисфункция власти, эскапизм, смена идентичности, социальное бессознательное, гендерные характеристики социума, архаика и современность

Words as a Narrative Unit — The Cognitive Possibilities of Discourse and Narrative Form in a Sociological Questionnaire

The article is devoted to the publication of the main results of the sociological research «Phenomenology of Social Fears» (NIIKSI St. Petersburg State University, 2010–2012). The main goal of the submission is to present empirical research, accompanied by a methodological study of procedures for their preparation. The article's focus is the analysis of various social feelings, such as fear, anxiety and the restlessness associated with individual and social problems in Russia today. Moreover, the article presents the characteristics of the «people-power» relationships, the diagnostic «profile» of the socio-ethical climate in society, and the stability of Russian identity in projective terms of its change. In terms of methodology, the article justifies the use of basic forms of discourse and narrative for the baseline study results in the sociological questionnaire.

Key words: qualitative methods in sociology, discourse and narrative in a sociological questionnaire, social fears, attitudes of the people and the authorities, authority dysfunction, escapism, identity change, social unconscious, gender characteristics of society, archaic and modern

В эпоху межформационных переходов пальма первенства в номинации «объяснительная способность» переходит от объективистской парадигмы социологии (эссенциализм, холизм) — к субъективистской (номинализм, методологический индивидуализм). Теория здесь движется за практикой социальных процессов, в которых действие системных правил, регулярностей и закономерностей воспроизводственного типа заметно ослабевает, а история превращается из процесса отно-

сительно объективного в процесс с решающим влиянием субъектного, субъективного фактора.

В связи с этим в социологии возникают несколько эпистемологических оппозиций. В то время как воспроизводство системы требует стандартизации человеческих ресурсов, — качественные скачки эпохи переходов стимулируют отклонения от нормативных стандартов, которые выражаются в огромном спектре девиаций, креативности и дивергентности, наблюдаемых в поведении, мышлении и деятельности людей. Совершенно естественно, что в периоды стабильности и социального воспроизводства социология собирает урожай стандартизиро-

* По материалам проекта «Феноменология социальных страхов», поддержанного грантом РФФИ № 10-06-00403.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

ванных массовых мнений, сформированных эффективными практиками доминирующих принципов эпохи. Напротив, в периоды качественных преобразований она обращается к изучению стимулов, продиктованных сугубой спецификой субъекта — его уникальным индивидуальным опытом и аутентичной рефлексией, которые направляют его действие вслед столь же аутентичным и уникальным интерпретациям реальности. Для подтверждения первой познавательной позиции мы имеем ценные признания главы Фонда «Общественное мнение» Александра Ослона о том, что социология количественных опросов «изучает простую вещь — статистику стереотипов»¹. При этом мы хорошо знаем, что результаты таких опросов далеко не всегда дают достоверный портрет общества, а порой и не стремятся к этому, если их авторы преследуют другие, манипулятивные цели. Для подтверждения второй познавательной позиции у нас есть убедительные эмпирические свидетельства М. Дмитриева и С. Белановского («Центр стратегических разработок») о том, что внимание к таким тонким материям фокус-групп, как дискурс и нарратив, с помощью которых люди конструируют и интерпретируют реальность, дает результаты большой прогностической силы².

Переходные периоды, очевидно, специально приспособлены историей для наиболее массового «превращения ожидаемого в явь», ведь стабилизирующие нормативы и контроль в них ослаблены, а запрос на инновационные решения, наоборот, усилен. Переход к постиндустриальному обществу и его дальнейшее цивилизационное оформление дополнительно облегчает этот процесс. Формация, которая отказывается от предшествующего экспертного знания, нерелевантного наступившей эпохе, а вместо этого опирается на собственные стратегические ресурсы и движущие силы (капитал субъектности, индивидуальности, интеллекта, коллективного разума в его уже не фантастической, а методической практике краудсорсинга), берущая за основу развития ранее небывалый базовый принцип (массовая интеллектуальная инновация), закономерно программирует сдвиг интереса наук к человеку и его когнитивным инструментам, что делает феноменологическую установку социологии, в том числе интерес к языку и его конструирующей способности — одними из самых продуктивных.

Конструктивные способности обеспечены нарративу и дискурсу их знаковым характером и характером коммуникации, в которой они участвуют (А. Шюц, Дж. Г. Мид, Г. Блумер, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Сепир, Б. Уорф, Ч. С. Пирс, Ф. Соссюр, Р. Якобсон, В. Шкловский, В. Пропп, Ю. М. Лотман). Язык и речь, дискурс и нарратив моделируют *действительность жизненного мира*, которая затем становится объектом исследования в социологии. То есть языковая, речевая, вербальная, ментальная, когнитивная, рефлексивная природа этого мира должна непрерывно осознаваться исследователем — для того, чтобы точно понимать, с каким явлением он имеет дело: не преувеличить, но и не преуменьшить его значение и реальные возможности

для жизни общества, не питать (несбыточных) надежд на связь между тем, что сказано и что сделано, но и не упустить возможности увидеть, как лишь *мыслимая действительность* превращается в явственную реальность по Божественной методологии «В Начале было Слово».

Сомнения, сопровождающие исследователя на этих почти тайных путях, очень велики: неужели, действительно, лишь одно слово — как погибшая бабочка Рэя Брэдбери или взмахнувшая крыльшками другая бабочка, Лоренца Нортон — способно породить масштабные реальные последствия? Неужели что-то последует за тем, что кем-то что-то просто сказано или подумано? Последует. Но держать себя в этом убеждении необходимо постоянно, как мантру повторяя простые наставления опытных мастеров нашей профессии. Уже не теоретически, а многократно проверив практически, они помогают находить глубинные структуры и модели смыслов, создающие содержание сказанного и образуя значения услышанного и понятого, тем самым показывая, «как наше слово отзывается» в действительности и реальности нашей жизни³. Авторы одного из самых полных руководств по методам социальных исследований Эмма Белл и Алан Браймен объясняют это очень просто: «То, как мы говорим о вещах — наши фразы, наши акценты, то, что мы выделяем, — вызывает определенные ощущения у других людей. Поступая таким образом, мы оказываем влияние на восприятие и понимание окружающих, а таким образом, на их и нашу реальность»⁴.

Слово в социологической анкете

Может ли слово, более того, одно слово выступать в нарративной функции и служить порождению реальности, быть драйвером реальности? Попробуем проверить это в доступных нам категориях и с помощью эмпирических данных. Вспомнила недавно советскую песню о Ленине, одну из лучших, во всяком случае в музыкальном и певческом отношении. Величественная музыка, красивые, возвышенные слова:⁵

*«В маленьком и тихом городе Симбирске,
там, где катит воды мать российских рек,
Всем народам мира дорогой и близкий
Родился великий человек
В каждом деле с нами наш любимый Ленин,
И живет он вечно в памяти людской.
Светоч нашей жизни
Солнце поколений
Сердце нашей партии родной»*

Чье сердце не откликнется на такой влекущий слог и образ? Дорогой, близкий, родной, любимый, светоч, солнце, сердце, живет вечно... И откликались, конечно, и создали ту действительность, в которой воспеваемая персона на самом деле мыс-

¹ Ослон А. Апология умной толпы // «Независимая газета», 28.02.12. / URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-02-28/9_apologia.html (дата обращения 24.05.12)

² Общество и власть в условиях политического кризиса. Доклад экспертов ЦСР Комитету гражданских инициатив / URL: <http://www.csr.ru/images/docs/doklad.pdf> (дата обращения 04.11.12)

³ Тичер С., Мейер М., Водак Р., Вемпер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.

⁴ Браймен А., Белл Э. Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный центр, 2012.

⁵ Песня о Ленине. Музыка А. Новикова, слова Р. Селянина // SOVMUSIC.RU, URL: http://sovmusic.ru/sam_download.php?fname=s11815 (дата обращения 24.02.13)

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

лилась на месте иконы: «Двое в комнате: я и Ленин, фотографией на белой стене... Мы себя под Лениным чистим»⁶. В этой действительности, полностью разрушить которую не удастся и сегодня, этим именем и этим образом вершились и великие, и страшные дела. Приведенный пример подсказывает нам, что мы не только можем доверять дискурсивной силе единичного слова, но имеем право считать нарративом некоторую простую сумму слов, если они относятся к одному и тому же объекту. Направленное на объект перечисление слов — уже нарратив.

В социологической анкете знаковая и дискурсивная нагрузка слова тоже очень велика. Для получения достоверного результата даже простого оперативного опроса общественного мнения совсем не безразлично, какими именно словами вы воспользуетесь при конструировании вопроса. Например: при весьма сомнительном современном статусе такого фундаментального общественного явления, как труд, социологи Фонда «Общественное мнение» вынуждены применять само это слово полидискурсивно — так, чтобы оно было достаточно адекватно понято разными целевыми группами опроса и соответствовало разным социальным контекстам: «Как Вы считаете, большинство работающих россиян *трудятся усердно, в поте лица, «пашут»*, или же *трудятся без усердия, спустя рукава, «сачкуют»?*⁷

Понятно, какого рода трудности возникают при необходимости использовать более сложные понятия. На этот счет выработаны четкие правила, нарушение которых влечет за собой главные грехи социологического исследования — внутреннюю рыхлость, несопоставимость данных, неуверенность в достоверности получаемых знаний, шаткость интерпретаций⁸.

С интерпретацией социологических данных и без того много проблем. Так, парадигма, носящая «титульное имя» интерпретативной социологии (М. Вебер, феноменология, символический интеракционизм, конструктивистские теории) получает свое знание посредством двух субъектов интерпретации — «человека действующего», т. е. субъекта социальной жизни, и социолога-исследователя. Полной аутентичностью интерпретации обладает только первый. Второй подвержен синдрому К. Мангейма, то есть несвободен от своих личных и научных доминант. Чтобы снять их давление, исследователь должен владеть «двойной герменевтикой»: уметь «вынести за скобки» собственную субъектность, довериться объекту исследования, дать простор для самовыражения жизненному миру своих информантов, вскрыть обычно не осознаваемые, но живые и действующие слои восприятий, отслеживать реакцию на свои смысловые вмешательства, а при публикации результатов эксплицировать, выложить в общий доступ свою

методолого-методическую «кухню», свою познавательную рефлексию. А кроме того, ему надо уметь задавать нестандартные, «цепляющие», мотивирующие на рассказ вопросы — да так, чтобы информант воскликнул: «О! Меня об этом еще не спрашивали». Тогда мы получим не собрание социальных стереотипов, а слепок с чистого жизненного опыта и чистого мышления, которые дадут новое, продвигающее знание о реальности и ее потенциях.

Исследовательский инструментарий социолога дает ему разные возможности выхода к содержанию подлинного жизненного мира людей. Наблюдение, интервью, фокус-группы, контент-анализ имеют дело с аутентичными текстами, где нарратив и дискурс присутствуют естественно и принадлежат информанту. Анкетный опрос представляет собой по преимуществу формализованный инструментарий, где тексты вопросов и вероятных ответов сформулированы исследователем, создающим измерительные шкалы для количественного анализа. Они формализованы, то есть в довольно большой степени абстрагированы от реальности, даже в том случае, когда создаются на основе посткодирования аутентичных текстов открытых вопросов, материалов интервью или других качественных методов.

Для работы качественными методами в анкетном опросе не очень много возможностей. Здесь для контент-анализа и дискурс-анализа пригодны тексты дополнений к закрытым вопросам и ответов на открытые вопросы. Однако многолетняя практика показывает, что при всей вынужденной ограниченности и краткости высказывания респондентов, участники опросов довольно легко сбрасывают с себя узы стереотипов и формулируют не только правдивые по содержанию, но и свободные по форме, индивидуальные, авторские высказывания, позволяющие считать их достаточно полным аналогом нарратива. Это короткий нарратив, может быть, даже квази-нарратив, но это несомненно «рассказ о себе своими словами», рефлексия собственного внутреннего и внешнего мира рассказчика. Особенно если это как раз те вопросы, которых ему никогда не задавали, в условиях возможности высказаться по значимым поводам, когда другой нет, и когда человеку за это «ничего не будет». Вот о деньгах и доходах, о непосредственном начальстве, о супругах и друзьях в открытой форме лучше не спрашивать — искренность и рефлексивность ответов быстро съеживаются, створки раковины закрываются.

Далее на передний план выходит фигура исследователя, Интерпретатора № 2. С помощью определенных методов и техник он может оперировать с высказанными смыслами таким образом, чтобы выявить не только сказанное, но и предпосылки сказанного, а также, в процедурах количественных операций с текстами и смыслами, раскрыть общие тенденции и тренды, подсказанные сгущающимися в общественном пространстве облаками смыслов и коллективными настроениями. И тут уже надо крепко держаться на свой собственный результат, верить ему несмотря на то, что он может отличаться от разлитой в воздухе, само собой разумеющейся очевидности.

Проект «Феноменология социальных страхов» (НИИКСИ СПбГУ, 2010–2012 гг.) позволил задать ряд «цепляющих», задающих за живое, вопросов. И то, что получилось, имело такой потенциал, что могло бы дать основание для неожидан-

⁶ Маяковский В. Разговор с товарищем Лениным // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / М.: Худож. лит., 1955–1961. Т. 10.

⁷ Отношение к труду. Проект Фонда «Общественное мнение». Ноябрь 2012 г. / URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10815> (дата обращения 24.02.13)

⁸ Садмен С., Бредберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование опросного инструментария М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.; Садмен С., Бредберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.; Феннето Э. Интервью и опросник. Формы, процедуры, результаты. СПб.: Питер, 2004.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

ного прогноза, если бы Интерпретатор № 2 ставил себе такую задачу. Но он был недостаточно смел. Очень скоро жизнь его устыдила, а несделанный прогноз *post factum* подтвердила.

Далее в статье на материалах упомянутого проекта я рассчитываю показать три вида результатов, полученных в эмпирическом исследовании с применением методов и техник качественного и количественного анализа анкетного нарратива — *дескриптивный*, *конструктивный* (конструирующий реальность) и *прогностический* результаты. Они были настолько неожиданными, что весь эмпирический раздел статьи, вопреки распространенному мнению и несмотря на то, что самим этим словом придется широко пользоваться, я готова озаглавить словами «Страха нет».

Ситуационный контекст исследования

Прежде всего, необходимо отметить, что проект задумывался и планировался в одной социальной ситуации, а осуществлялся в другой. Осенью-зимой 2011–2012 гг. в стране сложился относительно кратковременный феномен, когда в ходе последовательно проходивших парламентских и президентских выборов было выявлено большое количество нарушений, что вызвало жесткую общественную критику и массовые протестные акции в Москве, Петербурге, некоторых других крупных городах. Опрос пришелся еще на относительно стабильный период до запуска избирательной кампании и разыгравшихся событий, однако при анализе данных не учитывать их последствий, теперь уже хорошо известных, было уже невозможно. Оказалось, что результаты опроса фактически отражают предпосылки начала социальных протестов. Мы видим здесь социальные эмоции, еще не подверженные влиянию митинговой активности и свойственного ей стилю речевых и визуальных символов, несущих массовому сознанию организующие смыслы. Такие, как, например, «ПЖиВ» («партия жуликов и воров») — концепт, изобретенный для партии «Единая Россия» и буквально через пару недель после опроса заполонивший смысловое пространство общественной реакции на выборы. В семантике собранных данных он еще полностью отсутствует, не упомянут ни разу.

В этом смысле исследование превратилось в кейс-анализ относится к ситуации, которая уже никогда не может повториться, ибо это момент чистого генезиса ранее не существовавшего явления. Таким образом, в данном исследовании мы имеем дело не с репрезентацией современного общества как такового, а с отдельным *топохроном* — уникальным социокультурным объектом, существующим в неразделимости данного исторического времени и данного пространства. Все дальнейшие суждения будут относиться к нему, а не к обществу в целом или обществу как таковому⁹. При этом будем полагать, что социальные эмоции страха выражены здесь в тех символах, в тех величинах и в той соотношенности с другими фактами реальности, которыми обладает данная ситуация. Но будем также иметь в виду, что это ее качество не оторвано от предыдущих ситуационных влияний,

⁹ Впрочем, позже появились свидетельства, что таких топохронов по стране возникло немало Чернышов С. 90 процентов граждан недовольны // «Эксперт-Сибирь» №5 (361), 04 февраля 2013 / URL: <http://expert.ru/siberia/2013/05/90-protseptov-grazhdan-nedovolnyi/?n=66995> (дата обращения 24.02.13.)

а, напротив, вызвано ими, и что выявленное ситуационное состояние не прекращается одномоментно и не проходит бесследно, а будет иметь последствия, о характере которых мы еще не знаем. Ниже представлены некоторые эмпирические факты, характеризующие виды и уровни социальных страхов в сложившейся ситуации. Я буду широко цитировать суждения респондентов, а также, по возможности, сопровождать все изложение методологической рефлексией.

Социальность современных страхов

С точки зрения социологии и социальной психологии *состояние страха* может быть понято как социальное чувство или общественное настроение, связанное с ощущением сильной тревоги и беспокойства перед какой-либо опасностью, бедой. В крайних формах оно может превращаться в навязчивые состояния, фобии, для которых характерны иррациональные установки и неконтролируемые реакции. В эмпирическом социологическом исследовании мы ищем страх как феномен, существующий в виде какой-то социальной реальности — массовых установок (например, «лишь бы не было войны»), поведения (например, избегание вступать в контакты с официальными структурами), общественных настроений (ксенофобия, эскапизм), социальных практик (аномии, девиации, беспорядки). Чтобы сам инструментарий опроса не слишком фиксировал респондента на эмоции тревоги и не создавал искажающей акцентуации, мы старались как можно меньше пользоваться самым словом «страх», и вопросы старались формулировать максимально широко и нейтрально.

Один из таких вопросов открытого типа был сформулирован следующим образом: «Человеческая жизнь не бывает исключительно ровной и гладкой. В ней случаются и взлеты, и падения, и радости, и горе. Нередко люди сталкиваются с такими обстоятельствами и событиями, которые их сильно тревожат, заставляют беспокоиться. Как Вы думаете, чего сегодня боятся люди? Приведите, пожалуйста, несколько примеров, просто перечислив слова или словосочетания, отражающие эти страхи и беспокойства». Вопрос также давал возможность отнести сделанные высказывания к той или иной возрастной группе отвечавших. На вопрос было получено 620 ответов, большинство из которых состояли из одного-двух, максимум трех слов. Итак, люди боятся: *темноты, высоты, пауков, змей, бедности, нищеты, безденежья, снижения пенсий, непонимание со стороны детей, остаться без квартиры, не преуспеть, не состояться как личность, обездоленности, брошенности, быть забытыми* и т. д.) На базе этих ответов были составлены первичные списки распознаваемых объектов страха и произведен анализ дискурса и контент-анализ семантики фобических ощущений. В дальнейшем эти материалы были использованы для составления формализованных шкал и количественного анализа.

В ходе анализа установлено, что в семантике страха лишь около 10% в общей сложности касаются психофизических страхов (темноты, высоты, пауков, змей) и обстоятельств, связанных с физическими страданиями и смертью. Все остальные виды страхов, названные опрошенными, носят социальный характер. Да и обстоятельства болезней и смерти часто семантически выражены тоже как социальные — «*плохие лекарства*», «*потеря близких и родных*». Конечно, это, во многом, эвфемиз-

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

мы, слово «смерть» информантами практически не используется, в изложении пугающих обстоятельств здесь возникают, скорее, мотивы *немоци, длительной беспомощности* и того, что они *окажутся в тягость близким*. Вот почему мы также должны отнести эти, в сущности, витальные страхи тоже к социальным.

В дискурсе страха ясно выражены значения *бедности, безработицы и материального неблагополучия*. Это характерная черта страхов взрослых людей, опасющихся за свою способность содержать детей и помогать пожилым родителям. Однако абсолютно преобладают здесь категории *утраты социальных связей*. Это главное, что при свободном назывании пугающих обстоятельств выходит на передний план представлений. Для всех возрастных групп названы *одиночество, непонимание, равнодушие, отсутствие любви, поддержки, чувство ненужности, непризнание* и многое другое, для чего в русском языке оказалось немало синонимов (35% всего массива высказываний).

Выяснилось, что опрошенные практически не боятся жизненных трудностей, проблем, политических и даже экономических кризисов. Но во всех возрастных группах люди боятся одиночества, дети и молодежь — отсутствия любви, и все боятся непонимания, неуважения, равнодушия. А также, очень заметно — непризнания, невозможности себя реализовать, нереализованности своей жизни: *«бессмысленно прожить жизнь / не успеть сделать всего, что хочу / не преуспеть / не состояться как личность / не использовать всех своих возможностей и сил / не развиться в силу своих способностей / потеряться в мелочах и ненужных делах / прожить жизнь зря»*. Оказалось, что это один из самых сильных стрессогенных факторов, свойственный, в основном, людям активного возраста — *страх собственной несостоятельности, неуспеха, невозможности самореализации* (17% от общего числа высказываний). В закрытом варианте вопроса 36% респондентов признали, что неуспех и невозможность самореализации вызывают у них сильный стресс.

Итак, главный страх молодых и взрослых — **не быть самими собой, не состояться**. Что стоит за этими опасениями? Ощущение возможностей и невозможностей. Через них познается и конструируется реальность. В них ставится диагноз обществу и времени как среде существования. И очевидно, что среда эта ощущается как инертная, не соответствующая жизненным устремлениям, вектору правильно прожитой жизни, где правильным считается *осуществиться* — оставить след на Земле, не уйти незамеченным.

Из глубинных, архетипических реакций особо интересным и, может быть, культурно специфическим может оказаться **страх утраты жизненных ресурсов**. Судя по дискурсу выражений, люди боятся не просто бедности как таковой, но «обеднеть», не просто не иметь чего-то, но «потерять» — жилье, здоровье, деньги, работу, близкого человека, любовь, семью, близость и поддержку людей — в конечном счете, нормальную человеческую жизнь. Такой страх рождается из чувства уязвимости и недоверия окружающему миру, который, очевидно, посягает на то, что означает для человека «быть». За страхом утраты угадывается главное сокровище — жизнь как естественное благо, данное каждому при рождении, для которого

все вышеперечисленные социальные обстоятельства существуют не сами по себе, а как её неотъемлемые атрибуты. Любая утрата этого вида — есть утрата части отпущенной каждому жизни, утрата способности жить, страх лишиться в полном смысле слова «благодати». Здесь пирамида страхов и пирамида потребностей А. Маслоу взаимно отражаются друг в друге.

Поведенческое воплощение архетипа утраты может быть предельно разным. От трагедии, как в рассказе Н. С. Тургенева, где барыня наблюдает ужаснувшую ее картину, как крестьянка, потерявшая единственного сына, сама на грани жизни и смерти, все же ест приготовленные щи: «Не пропадать же щам, они ведь посланы». До показавшегося странным всему миру поведения тысяч российских туристов в Египте в январе 2011 г., не пожелавших покинуть страну в разгар двухнедельных массовых беспорядков и даже кровопролитий. Его, конечно, можно списать на «русский фатализм». Но не менее вероятно и другое: «Все, за что заплачено, должно быть проглочено». Люди, приехавшие в теплую страну из зимней России, затратили важный и для большинства невосполнимый ресурс. Уехать — значит потерять его безвозвратно. Другие, богатые, могут себе это позволить, у них есть ещё — и деньги, и время, и возможности отдыха. У нас — нет. Поэтому Бог с ней, с опасностью, важнее — взять свое. Точнее, не отдавать своего.

В других разделах проекта к анализу семантики и дискурса страхов добавилась аналитика степени их выраженности, но и с ее использованием высокого уровня фобий выявлено не было. Во всяком случае, осознаваемых, явных, принимаемых в качестве парадигмы существования.

«Параллельные миры»

Кроме самих по себе общественных настроений страха, тревоги и беспокойств, исследовались современные контексты, в которых они могли бы существовать. В частности, отношения власти и общества, в прошлом во многом построенные на страхе или амбивалентных сочетаниях любви и страха. Для этого анализа применялась комбинация закрытого вопроса на базе упорядоченной номинативной шкалы и открытого вопроса с автокомментариями респондентов к своим предыдущим ответам. Результаты проделанного измерения фобий в отношениях «власть — народ» излагаются ниже. В целом исследованный феномен можно понять как конструкцию, состоящую из двух пластов коллективных представлений — осознаваемых и не вполне осознаваемых. Первый достаточно легко эксплицируется. В нем **социальные страхи, связанные с властью, расцениваются не как подавляющая волю эмоция, а как взаимное неприятие между властью и народом**. Во втором, мало осознаваемом комплексе представлений, предположительно скрывается **латентный запрос на общественный договор демократического типа**.

Число опрошенных в данном разделе проекта составило 476 человек, на закрытый вопрос ответили практически все, на открытый получено 318 ответов в виде развернутых оригинальных суждений, прошедших далее несколько уровней обработки и анализа. Последовательно применялись два метода: традиционный контент-анализ и критический дискурс-анализ. Первый — для выявления семантики представлений об отношениях власти и народа, второй — с целью поиска т. н. «глу-

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

бинной структуры» текста, содержащей встроенную в него латентную систему ценностей охваченной аудиторией¹⁰.

Методом контент-анализа проведена группировка авторских комментариев респондентов к закрытому вопросу («Как Вы думаете, сегодня в России власть боится народа или народ — власти?») в соответствии с его шкалой, включавшей 4 варианта ответа и охватившей все возможные векторы вероятных взаимных страхов. Фобические смысловые позиции выявлены по всем векторам: *власть боится народа, народ боится власти, народ и власть боятся друг друга*, однако преобладающей оказалась позиция «никто никого не боится» (37, 44 и 51% ответов в младшей, средней и старшей возрастных группах). Внешне позитивный характер таких отношений феноменологически содержит другую, остро негативную коннотацию. Ее содержание свидетельствует о глубоком разрыве между властью и обществом. Ключевыми выражениями здесь стали:

- для позиции «Власть боится народа» (в целом по выборке 8% ответов в закрытом вопросе) стали: *власть боится волнений, возмущений, подделывает результаты выборов, лобные оппозиционные мысли пресекаются <...>*
- для позиции «Народ боится власти» (29% ответов): *народ боится высказывать свое мнение, не знает, чего ждать от власти, опасения за карьеру, возмущаются, но бездействуют, молчат, когда их унижают <...>*.
- для позиции «Народ и власть боятся друг друга» (20% ответов): *власть боится восстаний, а народ — восстать; взаимная нелюбовь и недоверие» <...>*
- для позиции «Никто никого не боится» (43% ответов): *живут, как в параллельных мирах, все делают, что хотят, всем на все наплевать, власть борется за свое благополучие, им нет дела до народа, каждый за себя <...>* и, неоднократно: «Власти наплевать на народ, а народу — на власть».

Методом критического дискурс-анализа осуществлен комплекс процедур, включающий: разбиение совокупного массива высказываний на тематические блоки (группировка по близости смыслов); анализ дискурса внутри тематических блоков и реинтерпретация знаков тематических блоков в направлении поиска латентно присутствующей структуры ценностей, норм, установок и других социальных критериев, которые можно понять как послание партнерам по социальному взаимодействию, в данном случае — власти и обществу.

Тематические блоки (дискурс):

- бардак в стране, не действуют законы, беззаконие с двух сторон (и власти, и народа — О. К.);
- вседозволенность, безнаказанность властей;
- власти не выполняют своего предназначения;
- коррупция, взяточничество, власть не порядочна и бесчестна;
- народ ничего не может изменить, ощущение беспомощности;
- недоверие народа к властям, полное недоверие;
- неопределенность, нестабильность в стране;
- боязнь преследований, ощущение опасности;
- отсутствие демократии, народ не влияет на жизнь страны;

¹⁰ Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с. С. 172–198.

Т а б л и ц а 1. Глубинная структура представлений в системе «власть-народ» (количественный дискурс-анализ, группировка)

	Число ответов	% от суммы ответов
Отсутствие демократии: ущемление свободы, подавление активности, фальсификация выборов, народ не влияет на жизнь страны	30	9
Коррупция, вседозволенность и безнаказанность властей	38	12
Чувство унижения: ощущение бесправности, беззащитности, несправедливости; пассивность, бездействие людей, молчат, когда их унижают	56	18
Хаос, атомизация, аномия: неопределенность, нестабильность; бардак в стране, не действуют законы	65	20
Параллельные миры: отсутствие связи между народом и властью, взаимное наплевание, неуважение, недоверие	129	41
Всего	318	100

- ощущение бесправности, беззащитности, несправедливости; пассивность, бездействие людей, молчат, когда их унижают;
- отсутствие связи между народом и властью, взаимное наплевание и неуважение;
- ущемление свободы, подавление активности, отсутствие выбора.

В ходе дальнейшей категоризации обыденных смыслов дискурса сформирована модель глубинной структуры представлений об отношениях власти и народа (Табл. 1).

Анализ полученных данных не оставляет сомнений в том, что глубинная структура представлений об отношениях «власть-народ» в массовом сознании характеризует их как полностью диспаритетные или даже полностью разорванные.

Диспаритет отношений «власть-народ» как их архаизация

Диспаритет, то есть неравноправие в отношениях социальных агентов — вещь вполне закономерная, если дело касается авторитарных социальных систем, административной системы управления, где есть начальство и подчиненные, или таких условий взаимодействия, когда один из агентов обладает ресурсами для принятия решений, обязательных для другого агента, то есть для принуждения (например, правила перехода улицы с последующим штрафом за нарушение или послушание младших членов семьи перед старшими). В общественных отношениях современных государств сфера диспаритета постоянно сокращается. Для коррекции принимаемых властью решений служат выборы, референдумы, общественное мнение, неподцензурные СМИ и конституционные способы давления на власть — такие, как деятельность гражданского общества, общественных организаций, движений и т. д. А там, где граждане все-таки вынуждены подчиняться власти, она (по идее) действует в рамках полномочий, данных ей самими гражданами

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

в момент ее формирования, в результате выборов. В этом случае подчинение решениям власти носит добровольный характер, так как властное принуждение легитимно. В иных случаях отношения строятся на паритетной, равноправной основе.

Суждения респондентов, касающиеся диспаритета отношений народа и власти, сосредоточены, главным образом, в комментариях к позиции «народ боится власти» (в целом по выборке 29%). Дискурс конструирования реальности диспаритета **вполне современный**: (*административный ресурс, олигархи, полицейское государство, отсутствие демократии*), но он сопряжен со смыслами и концептами, свойственными, с одной стороны, **позапрошлому веку и самодержавному государству** (*власть не считается с мнением народа, от народа ничего не зависит, народ не имеет права голоса, боязнь преследований, произвол, беззащитность, бесправие*), а с другой — **семейным отношениям авторитарного типа** (*беспомощность, зависимость, страх наказания, страх быть наказанным*). Дискурс подобного рода указывает на актуальное присутствие традиционной конфигурации статусов патернализм–инфантилизм между властью и народом, т. е. уничтожительное для современности принуждение общества к неполноценному, «детскому» статусу. Видимо, неслучайно подобный способ конструирования реальности и наибольшее количество конструктов такого типа характерно для младшей возрастной группы опрошенных, где позиция «народ боится власти» набрала 40% ответов в закрытом варианте (в средней и старшей группах — 24 и 16% соответственно). Именно в этом кластере суждений содержатся основные конструкты страха, порождаемые ментальными моделями вертикальных отношений «власть–народ», которые мыслятся как вседозволенность для первых и бесправие для вторых.

Отношения, сконструированные подобным образом, резко дистанцируют Россию от большинства современных стран, на которые она, в принципе, ориентируется в развитии, чего не могут не понимать наши люди. Тем самым создается глубокое когнитивное противоречие, когда при понимании реалий и принятии ценностей современного открытого информационного мира, наше общество все еще может описываться архаическими конструктами. Само наличие соответствующих ментальных моделей в языковой и речевой практике людей даже в крупном культурном центре (а «в глубинке», видимо, тем более) указывает не только на возможность мыслить современную реальность подобным образом, но тем самым и на вероятность соответствующих практик, продуцируемых этими ментальными моделями.

При моделировании мотивирующих конструктов для другой позиции, взаимного страха («власть боится народа, а народ власти»), собственно фобии из поля дискурса исчезают. Мотивация страхом уступает место мотивации противостоянием, в дискурсе появляются ментальные модели *нелюбви, недоверия, ненависти к репрессиям, семантика революций, митинга, угнетенного народа, восстания, социального напряжения, гражданской войны, свободных выборов и разрыва отношений*.

Характер этих высказываний как будто пришел из позапрошлого века. Когда-то его можно было найти в любом учебнике истории, он звучал в любом школьном классе и вузовской аудитории и использовался для характеристики угнетенного со-

стояния угнетенных классов страны, обозначенной концептом «царская Россия»: *«все молчат, когда их унижают»* и архетипическое *«народ безмолвствует»*. С концептом «царская Россия» успешно боролась идеология социализма, противопоставляя ему концепты самого справедливого общества на Земле, государства рабочих и крестьян. На этом фоне новое обращение к дискурсу угнетения и бесправия несет с собой ощущение архаизации, отката на двести лет назад и должен порождать сильное неприятие у современного человека.

Дискоммуникация как социальная деформация

Как уже говорилось, самой популярной оценкой в диагнозе фобических отношений власти и народа стала позиция «никто никого не боится», она набрала наибольший объем высказываний как в закрытой (43% ответов в целом по выборке), так и в открытой форме вопроса (46% от общего количества в 318 ответов). По содержанию к ней различаются три ясно выраженных когнитивных фокуса, объединяющих вокруг себя три крупных группы высказываний.

Отсутствие связи между народом и властью: *параллельные миры: граница — экран телевизора; они не соприкасаются, не взаимодействуют; находятся на разных полюсах, живут каждый сам по себе, каждый сам за себя, у власти свой мир, у народа другой* — 34% ответов этого типа от общего числа высказываний, объясняющих, почему никто никого не боится.

Обоюдное неприятие друг друга народом и властью (высказывания с этическим и отчасти политическим характером дискурса): *у власти нет уважения к народу, у народа к власти; народа власти не доверяет, смеется, не уважает; плюет, наплевать (18 упоминаний слова), между ними безразличие, равнодушные (11 упоминаний), пофиг, пофигизм (4 упоминания)* — еще 34% ответов этого типа.

Хаос, атомизация, аномия (высказывания с нормативно-правовым характером дискурса): *делают, что хотят, никто не выполняет правил, высокий уровень преступности, воруют все, беззаконие, бессмыслие, бардак в стране, безнаказанность, беспредельное мошенничество* и в целом пребывание «без» чего-то, что нужно — это то, что непосредственно вытекает из отсутствия отношений, взаимного недоверия и неприятия — 32% ответов.

Получается, что в атомизированной, дисконтактной среде почвы для страха не возникает, но возникают раздражение, цинизм и общий аморализм. Если коммуникация — это средство, с помощью которого люди организуют и поддерживают отношения, если это неисключимое условие жизни человека и порядка в обществе, то масштабная дискоммуникация становится системным нарушением в существовании собственно социального порядка и социального организма. Признаками дискоммуникации становятся: неспособность власти адекватно отзываться на запросы народа как своего партнера (низкая респонсивность власти), нарушение проходимости сигналов между уровнями социального взаимодействия, разрывы в системе взаимодействий и в целом распад социального тела страны на две несмыкающиеся страты. В данном случае дело не в том, что образуется социокультурный раскол («две России» в работах А. Ахиезера как две дистанцированные друг от друга

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

культуры — элитарная и протонародная¹¹), а в том, что между ними разрушаются и исчезают коммуникации, система оказывается не в состоянии себя осознавать и рефлексировать, совершать автореференцию, она становится неадекватна своим задачам, рано или поздно теряет управляемость, останавливается в развитии и начинает принимать саморазрушающие решения. Общество исчезает, расплывается, деградирует.

Но «исчезает» и власть. Ее акцентированное присутствие на телеэкранах — лишь видимость. Ибо чувство отсутствия отношений с властью уже означает отсутствие власти, а значит, может столкнуть ситуацию в сторону явной или латентной аномии, массового нормативного нигилизма. Это необязательно хаос и погром (хотя слово *хаос* существует в дискурсе столичного города Санкт-Петербурга), но это патологическое состояние, делающее невозможным существование упорядоченного социального мира и программирующее скатывание к установкам из разряда «все дозволено».

Дискоммуникация делает невозможными «плановые», целесообразные, даже очень нужные реформы, ибо «непроходимость путей» и барьеры недоверия между нею и другими уровнями социального порядка не позволяют осуществиться импульсам, идущим от власти. Общество их не принимает, — как это сейчас с полной очевидностью происходит в образовании, науке, культуре. Но там, где невозможны реформы, изменения идут революционным путем.

Несколько слов о словах «диспаритет» и «дискоммуникация». В живом дискурсе этих слов, конечно, нет. Это уже аналитические концепты, термины, возникающие «над» дискурсом. Их значение уже не погружено в жизнь и не соотносится с жизнью как таковой, здесь появляется новое содержание, расширяющее изначальные смыслы, но это дает им возможность применяться не только для данной, конкретной, изученной ситуации, но быть более универсальным соизмерителем для других реальностей. Иными словами, в статусе термина слова приобретают способность быть элементами дальнейших обобщений на пути к теориям, то есть объяснениям.

Теперь, «воспаряя» над дискурсом, концепты «диспаритет» и «дискоммуникация» здесь и впредь будут указывать на засорение каналов информации и взаимодействия, на невозможность ни о чем договориться, принятие необходимых решений, феодально-сословное устройство общества и чуть ли не кастовое превосходство власти, пишущей законы и распоряжающейся жизнью других, более низких каст. Интересом такой системы становятся не проблемы государства и народа, а свои собственные проблемы; принимаются либо пустые законы (В. Милонов), либо разрушительные (Закон о запрете иностранного усыновления, попытка передачи здания больницы № 31 в Петербурге под нужды государственных чиновников и другие). Вообще утрата способности принимать адекватные законы и, в конечном счете, саморазрушение власти и страны. И зря я вчера стерла пассаж о системной шизофрении.

С какой бы теоретической точки зрения мы ни рассматривали феномен дискоммуникации (коллективные представле-

ния, социальное конструирование, теория самореперентных систем Н. Лумана, теории информационного и постиндустриального общества), вывод будет одним: в том состоянии, которое описывается полученными данными, ныне существующая социальная система нежизнеспособна. При иных обстоятельствах (в тоталитарном формате) она, возможно, могла бы быть скреплена страхом, но в данном случае (в данном топохроне — столичный мегаполис, квалифицированное население с высоким уровнем образования и культуры в преддверии протестов) он либо выражен слабо, либо отсутствует. Вместе с тем есть признаки того, что подобная ситуация характерна и для других социальных локусов (фокус-группы М. Дмитриева и А. Белановского, дискурс Интернета и др.), что делает весьма вероятным смещение страха в верхние этажи системы — в управляющие элиты и примыкающие к ним служебные страфы. Об этом говорит, прежде всего, сама неадекватность принимаемых решений. Они могут быть такими только в том случае, когда принимаются в панике и потому, что других решений у этой системы не осталось.

Дисфункции власти

Фактически в полученных данных мы имеем т. н. «дефектную ведомость» власти — верифицированный документ, указывающий на наличие изъянов и недостатков в произведенном ею продукте, каковыми являются политические решения, государственные услуги, общее состояние государства. Здесь зарегистрировано ясное представление об их дисфункциональности для современного российского общества. По структуре и содержанию выявленные представления (массовые, коллективные) совпадают с выводами многих экспертов, хотя большинство опрошенных с ними, разумеется, не знакомы. Поскольку указание на недостаток чего-то одновременно репрезентирует факт потребности в чем-то, мы можем полагать, что в дефектной ведомости латентно содержится запрос на действенные, действительные, необходимые обществу ценности, нормы, установки и другие не существующие, но желательные реалии и регуляторы. Они содержатся здесь в качестве зашифрованного послания адресатам коммуникации — власти и обществу.

При прочтении данных «от обратного», т. е. при их перекодировании мы получаем представление о латентном запросе на иной, чем ныне, общественный договор между народом и властью, в результате которого народ мог бы мыслиться не как население, а как собственно общество, не в объектном, а в субъектном статусе. Такую возможность предусматривает сама методология критического дискурс-анализа и подходы т. н. «обоснованной теории», когда она конструируется в режиме индуктивного восхождения от бытийного слоя явлений к эмпирическим и понятийным обобщениям.

Извлеченный таким образом месседж общества по отношению к власти в результате дает структуру тезисов желательного общественного договора. Это:

- продуктивное взаимодействие с властью, ее способность откликаться на нужды людей, народа, общества;
- наведение правового порядка;
- соблюдение социально-этического равенства и равноправия, утверждение ценности и высокого статуса челове-

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

Т а б л и ц а 2. Социально-этический климат современного российского общества. Среднее взвешенное на шкале (+3)–(0)–(–3); ранги по нарастанию негативного качества

	18–25 лет	26–49 лет	50–70 лет и ст.	В целом по выборке	Ранги в целом по выборке
смелость — трусость	–0,24	–0,80	–0,65	–0,52	12
открытость — закрытость	–0,58	–0,94	–1,03	–0,80	11
оптимизм — пессимизм	–0,64	–0,69	–1,42	–0,83	10
бесстрашие — страх	–0,63	–1,00	–1,02	–0,84	9
бодрость — уныние	–0,87	–0,60	–1,53	–0,94	8
честь — бесчестие	–1,16	–0,94	–1,65	–1,20	7
мудрость — глупость	–1,75	–0,85	–1,42	–1,25	6
порядочность — подлость	–1,52	–1,23	–1,45	–1,41	5
уверенность — сомнение	–1,47	–1,61	–1,92	–1,62	4
покой — напряжение	–1,67	–1,63	–1,77	–1,68	3
доверие — недоверие	–1,98	–1,68	–2,10	–1,91	2
надежность — ненадежность	–1,78	–1,82	–2,32	–1,95	1

ского достоинства в пространстве социально-государственных отношений;

- преодоление коррупции, вседозволенности, произвола и безнаказанности властей (соблюдение правовых и моральных основ власти);
- соблюдение (конституционных) прав на гражданскую активность и политическую свободу.

Означает ли эта латентная модель готовность наших граждан к конституционной либеральной демократии и гражданскому обществу? Неясно. Но порыв к ним, формирующийся при глубокой дисфункциональности власти, архаизирующей всю социально-государственную жизнь в стране, в данной конкретной ситуации практически очевиден.

Ниже ноля

Что же это за общество, в котором распадаются связи между базовыми структурами, а люди испытывают сомнения в прочности даже самых близких человеческих отношений и возможности своей самореализации? В программе проекта выдвигалась гипотеза об обществе как основном источнике страхов. Но она могла и не подтвердиться, потому что его модель задавалась респондентам для оценки абсолютно нейтрально — в виде рамки или сетки значений, на которой можно было «нарисовать» его социально-этический «профиль». Речь идет об измерении качеств современного общества методом семантического дифференциала.

Семантический дифференциал (Чарльз Осгуд, 1957) часто используется для исследования и диагностики социальных объектов в индивидуальном и массовом сознании. Он построен на противопоставлении двух противоположных характеристик и предположении, что между ними существует определенный континуум значений. Это качественно-количественный метод, позволяющий создавать имиджевые «профили», то есть почти буквально словесные «портреты» изучаемых объектов, и где немаловажным условием репрезентативности и релевантности является культуросообразность в выборе самих бинарных смысловых шкал, а также соотнесенность со смыслами того или иного языка и дискурса (научного, бытового, блатного

и т. д.). Для словесного портрета сегодняшнего состояния общества были выбраны 12 пар характеристик, представляющих изучаемое социосемантическое пространство в трехмерном отображении:

- «**онтологические**» характеристики, репрезентирующие состояние социальной среды (*покой — напряжение, надежность — ненадежность, доверие — недоверие, уверенность — сомнение, открытость — закрытость*);
- «**энергетические**», характеризующие степень и возможность социальной активности в среде, обусловленной, скорее всего, психофизиологическим статусом оценивающего субъекта (*смелость — трусость, оптимизм — пессимизм, бесстрашие — страх, бодрость — уныние*);
- **этические**, связанные с оценкой возможности той или иной социальной позиции субъектов в данной среде (*честь — бесчестие, мудрость — глупость, порядочность — подлость*).

Степень выраженности указанных свойств общества оценивалась респондентами по симметричной 7-значной порядковой шкале (+3)–(0)–(–3), что дало возможность зафиксировать позитивно-негативные смещения к тому или иному полюсу биполярных шкал. В Таблице 2 приведены результаты измерения. Они заставляют ставить обществу неутешительный диагноз. Оно находится в состоянии глубокой депрессии, так как лишено целевых, ценностных и моральных ориентиров.

Цифры говорят сами за себя. Оценки социально-этического климата во всех возрастных группах сдвинуты к негативным полюсам бинарных смысловых оппозиций, а создаваемые ими «облака тегов» достаточно органично интерпретируются в соответствии с характером возрастных групп. Так, по «энергетическим» параметрам представления молодых людей более позитивны, чем у взрослых, что легко объясняется собственно физической молодостью. У них определенно больше *смелости, открытости, оптимизма, бесстрашия, бодрости*. Однако по этическим позициям оценки неуклонно движутся к глубоко отрицательным величинам и иногда перекрывают уровень негативности старших групп. Молодые люди наблюдают в обществе, скорее, *бесчестие, чем честь, подлость, чем порядочность*

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

и т. д. Две низшие оценки в молодежной возрастной группе — это *преобладание глупости над мудростью и недоверия над доверием*.

Средняя возрастная группа (26–49 лет) дольше других держится ближе к нулевой отметке, что означает примерный паритет у нее позитивных и негативных представлений. Это тоже может быть признаком просто лучшего состояния жизненной энергии, хотя все же это оценки со сдвигом в отрицательную сторону: $-0,6$ — $-0,8$ на шкале $(+3)-(0)-(-3)$, при этом этические и «онтологические» индикаторы находятся в явно негативной зоне. Наиболее пессимистический взгляд ожидаемо свойственен старшей возрастной группе, и все-таки производит впечатление близость ее представлений к абсолютному минусу значений шкалы ($-1,98$, $-2,1$, $-2,3$ из 3-х возможных). Это очень высокий уровень *сомнений, напряжения, недоверия и ненадежности*.

Реальность, стоящая за негативным модусом **всех предложенных для оценки параметров**, не может не создавать общего напряжения в обществе. Однако ощущение осознаваемого страха (позиция «страх-бесстрашие» в целом по выборке $-0,84$) по сравнению с другими совсем не катастрофично. Обобщая все ощущения, об общественном климате, видимо, можно сказать так: **противно, но не страшно**. Если это так, то становится понятно, почему такой существенный стимул для консолидации, как фальсификация выборов в Государственную думу осенью 2011 года, вызвал не апатию, не панику и не агрессию, как это было бы в случае доминирования страха, а мирный протест.

Впрочем из соображений внутренней методологической рефлексии стоит задаться вопросом о достоверности полученных данных. На вопросы анкеты, сами по себе создающие дискурс и нарратив страха, от участников опроса мы получаем отклик довольно сдержанный, спокойный, порой даже иронический. Верить этому настроению или нет? Людям на самом деле не страшно или мы имеем дело с фрейдовской рационализацией, подавлением бессознательного, стремлением «не потерять лицо» и не показывать виду? Поскольку и закрытые и открытые вопросы анкеты дают в итоге равно невысокий уровень фобических эмоций, то можно предполагать, что, действительно, не страшно, по крайней мере в конкретной исследуемой ситуации. Кроме того, известно, что реальный язык страха существенно иной. У него либо вовсе нет дискурса как такового, и он изъясняется другими знаками — криками, воплями, панической устремленностью куда-то, амоком или мапой, а если дискурс есть, то косный, смятый, риторический, эмфатический — такой, каким его зафиксировали мобильные телефоны и видекамеры в Челябинске 15 февраля 2013 г. во время падения метеорита. Он состоял из стопроцентного мата и не нес никаких смыслов, кроме: «*что это — да что же это — что это делается?*» Ответ на вопрос «что это» породил другую реальность, в которой места страху уже не было.

Итак, особого страха мы опять не наблюдаем, но сделанное выше утверждение о том, что в условиях дискommunikации общество деградирует, получает свое подтверждение. Около и ниже ноля — это и для обычной погоды одна из самых неприятных отметок шкалы, при которой жизненные процессы природы замирают и переходят в спячку. Видимо, и для общества в подобных обстоятельствах наступает застой, стагнация,

состояние *полужизни*, и даже самая очевидная активность, как, например, потребительская, столь наглядная в гигантских торговых центрах, не заставляет закрыть глаза на пороки самой системы общества.

Депрессивное состояние общества иногда заставляет считать страх благотворным социальным регулятором: страх наказания, Божий или моральный страх. Но это слишком просто, чтобы быть правильным. Потому что ведет за собой страх принятия решений, стагнацию и отказ от поиска, в целом подавление творческих сил социума, при котором становятся проблематичными не только развитие, но и простое выживание.

Страх утраты жизненных ресурсов, который выглядит доминирующим в спектре выявленных фобических реакций, в принципе, может быть мобилизующим. Но без деятельности, векторной коннотации, без уверенности людей в достижении целей и возможности «состояться» он может стать деструктивным, в том числе в отношении морали. Его массивное присутствие в общественных настроениях в качестве «конструкта» или «концепта», то есть инструмента, посредством которого идет распознавание и конструирование реальности — все это означало бы, что мы имеем дело уже не с «обществом рисков», а с обществом «невозможности риска» — как невозможности поиска и достижения. В такой реальности *ничего невозможно сделать*, ибо она полна барьеров, каналы коммуникации забиты пробками, а социальные лифты не работают. Вместо «онтологического доверия», которое Э. Гидденс считает одним из принципов рациональной эпохи социального модерна¹², мы находим у себя «онтологическое недоверие», то есть недоверие всему, что существует на свете, и вместе с ним можем оказаться — как общество — не в постсовременной цивилизации, а в состоянии варварства.

Какова может быть реакция людей на состояние полужизни, в которой они пребывают достаточно долго и динамика которой говорит об остановке в развитии и об ухудшении социального климата? Кто-то приспосабливается, но это очевидно негативная адаптация, деформирующая и личность, и социум, кто-то протестует, а кто-то принимает решение покинуть страну, сменить место проживания.

Эскапизм социальный и культурный

Сегодня слишком хорошо известно, что реальная эмиграция из России уже много лет не прекращается, да и желание уехать тоже не идет на спад. Понятно, что далеко не всегда выявленные намерения приобретают практическое выражение. Но идея столь прочно обосновалась в умах соотечественников, что сделала возможным называть Россию «страной убывания»¹³ — и в смысле снижения численности населения, и в смысле потери ценного человеческого потенциала. Более того, в массовом сознании как символ вполне определенного характера расставания со страной закрепилось слово «валить» (в значении бы-

¹² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. С. 101–121, 499.

¹³ Страна убывания // Газета. РУ, 14 июня 2011 г. / URL: http://www.gazeta.ru/comments/2011/06/14_e_3661713.shtml (дата обращения 24.02.13.)

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

Т а б л и ц а 3. Гендерный состав опрошенных, согласных с тезисом «Не хотел бы еще раз родиться в России»

	18–25 лет 198 чел.	26–55 лет 160 чел.	56–70 лет 60 чел.	В целом по выборке 418 чел.		
	% от числ. группы			Число ответов	% от числ. группы	% от числа ответов
Всего ответов «согласен, поддерживаю»	28	29	22	115	28	100
Из них мужчин:	16	10	10	54	13	47
Из них женщин:	12	19	12	61	15	53

стро, не оглядываясь выбираться из опасного или неприятного места). Оно превратилось во всем понятный мем, который, не исчезая, годами существует в языке, используется печатными и электронными СМИ именно в этой бытовой, сниженной форме. Запрос Яндекс-поиска со словом «валить» однозначно выдает сочетание «валить из России» и предлагает 32 миллиона ответов.

Большинство опрошенных, не стремящихся эмигрировать, не осуждают отъезжающих. Очевидно, что по большей части это теперь не считается предательством, преступлением против Родины, не закрывает дороги назад и не разделяет людей навсегда, как раньше. В определенном смысле это вообще весьма позитивный момент, свидетельствующий об укоренении идей открытого общества. Однако в значении «валить», особенно по мотивам неуютного социального климата и отсутствия перспектив улучшения жизни, эти намерения говорят, скорее, о мотивах эскапизма — реакции избегания, нежелания принимать на себя неприятности существования. После каждого всплеска политических обострений, мем «валить отсюда» усиливает свое присутствие в общественном дискурсе. Очень сильный эмоционально, он все же не последняя стадия дистанцирования от некомфортной социальной среды. Оказывается, есть и посильнее.

Сменить идентичность

В рамках данного проекта важно было узнать, в какой степени высокая возможность сменить социально неприятный российский климат на какой-то другой мотивируется чувствами страха, тревоги, напряжения, беспокойства (по опросам ВЦИОМ примерно 5%)¹⁴. При этом в методическом отношении следовало снять давление дискурса самого опросника на высказываемое мнение. Выход был найден в том, чтобы сместить когнитивный фокус вопроса в сторону от его сверхзадачи и задать его косвенно, через парадоксальную прожективную ситуацию, апеллирующую к воображению респондентов.

Это удалось сделать, применив в вопросе элементы т. н. троллинга — интеллектуальной провокации, создающей смысловую неопределенность и тем самым невозможность «отделаться» стереотипом, стандартным ответом на стандартный вопрос. Подавляя шаблонные конструкции мышления, такой прием заставляет вырабатывать ответ за границами сложившихся ментальных шаблонов. В этом смысле его можно считать средством активизации бессознательного в его познавательной функции.

Идея такого вопроса была позаимствована у портала Superjob¹⁵, но формулировка слегка изменена. В преобразованном виде она звучала следующим образом: «40% опрошенных порталом Superjob не хотели бы еще раз родиться в России. Что Вы могли бы сказать этим людям?» По сути, в предложении подумать о том, где вы хотели бы или не хотели родиться, речь идет об очень высокой степени принятия или неприятия не только России как страны проживания, но и себя самого, собственной идентичности, потому что родиться «еще раз» и, кроме того, в другой стране, даже при фантастическом допущении сохранности генетического тождества, несомненно означает быть другим человеком — в силу культуры, социальной страты, законов и т. д. Перед респондентами, таким образом, вставала задача полноты информационной рецепции и довольно сложной рефлексии всей смысловой конструкции вопроса. Далеко не все с этим справились. Полным ответом — не на этот частный вопрос, а на поставленную им проблему, возможно, стоило бы считать самоопределение респондента в когнитивном и символическом пространстве «Я — Россия — Родина» через инстанцию «Другие» с их идентификацией, то есть самоопределение в про-российском или вне-российском качестве.

На открытый вопрос, что можно сказать людям, которые не хотят «еще раз родиться в России», ответили абсолютное большинство опрошенных, получено 419 развернутых, свободных сформулированных суждений. Не вызывает сомнений тот факт, что к такой активности респондентов побудила именно нестандартность постановки вопроса. Люди не только оказались готовы отвечать на него, но им было что на него ответить, и они хотели это сделать.

Как уже говорилось, вопрос задавался провокационно, в расчете на более высокую дифференциацию ответов, чем при часто используемом прямом вопросе о желании уехать из России. Расчет оправдался и позволил высветить некоторые неяркие оттенки социально (или даже социетально) обусловленной эмиграции. Дискурс и нарратив ответов также оказались весьма разнообразны, в их содержании удалось выделить четыре смысловых кластера, состоящие из 11-ти внутренне однородных смысловых групп высказываний. Но вот чего в нем не было обнаружено — это вербальных и эмоциональных знаков страха или мотивации своей позиции с его помощью. Значит, даже довольно концентрированный фобический контекст опросника не создал «наведенных» ответов.

Вся совокупность ответов на заданный вопрос делится, прежде всего, на два количественно разных класса: согласия и несогласия. Согласны с тезисом «не хотел бы еще раз родиться

¹⁴ Почему из России уезжают. Пресс-выпуск ВЦИОМ №1851, 28 сентября 2011 г. // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112026> (дата обращения 24.02.13.)

¹⁵ Только 40% россиян хотели бы снова родиться в России // Исследовательский центр портала Superjob.ru, 10.06.2011 / URL: <http://www.superjob.ru/community/life/56053/> / (дата обращения 24.02.13.)

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

в России» в общей сложности 27% ответивших, не согласны — 67% и еще 5% затруднились ответить. Позиция согласия практически гомогенна, позиция несогласия внутренне неоднородна, в ней выявляются еще три кластера смыслов, указывающих на разную степень этого несогласия и различие его мотивировок. Об этом речь пойдет ниже, а пока — о согласии.

В целом по выборке **согласны, поддерживают, одобряют** тезис «Не хочу еще раз родиться в России» 26% опрошенных. Это позиция безусловного, или с оговорками, отказа от российской идентичности, и отвечающие делают это практически не задумываясь, как в прямом, так и в переносном смысле. Их ответы просты, коротки и, по большей части, прямолинейны.

Согласны безусловно: я с ними согласна / совершенно согласна / я их понимаю / полностью поддерживаю / полностью с ними согласна / поддерживаю / молодцы / солидарна / я бы тоже не хотела;

Согласны условно, с оговорками: они правы, но проблемы есть в любом обществе / возможно, поддержала бы их / не могу вас осуждать / судя по последней ситуации в стране — я тоже, но в душе я патриот / согласна на 50% ;

Негативно определяемое состояние общества (см. выше, Табл. 2), у части его граждан, кажется, действительно, рождает намерение покинуть страну, выраженное до такой степени, чтобы не иметь с нею ничего общего. Такое намерение свойственно большой доле опрошенных. В молодежной и средней группах, то есть в наиболее активном, трудоспособном и репродуктивном возрасте эта цифра достигает 28% и 29%, в старшей — 22%. Гендерный состав тех, кто одобряет столь резкий, хоть и гипотетический, разрыв со страной, вообще вызывает большую тревогу. Среди них больше половины (53%) составляют женщины (Табл. 3).

В русской культуре женщина всегда была оплотом надежности и цельности семьи, социальных связей, отношений, добросовестного труда, веры в будущее, терпения и, в этом смысле, общества в целом. И если сейчас она вырывается вперед в отрицании своей приверженности стране и государству, это значит, что произошли очень серьезные изменения в самих основах традиционных форм, структур и систем социокультурного устройства в России. Конечно, среди отвечающих подобным образом есть т. н. «любительницы комфорта», ведь именно к повышению уровня жизни стремится большая часть желающих эмигрировать. Но комфорт у нас, вроде бы, реабилитирован, да и согласно данным нашего проекта, заподозрить его участниц в этой единственной причине нельзя, потому что их эскапистские настроения формируются не за счет, возможно, легкомысленной молодежной группы, а за счет участниц опроса более зрелого и даже пожилого возраста. Так, в средней возрастной группе их почти вдвое больше, чем мужчин. Это как раз те наши соотечественницы, которые несут основной груз бытовой, семейной и служебной работы, часто за более низкую зарплату и часто в одиночку, в распавшемся браке. Но так было всегда и не заставляло в массовом порядке искать лучшей доли за рубежом. Значит, причину обнаруженного негативизма женщин по отношению к своей стране надо искать в других реалиях.

Гипотезу о том, что это моральная и эмоциональная усталость от всей суммы напряжений и проблем, которую женщина не выдерживает, в том числе потому, что теперь знает, что

жизнь может быть устроена иначе, предстоит проверить, хотя уже сейчас, по нашим данным известно, что они дают более негативные оценки состоянию общества. К этим настораживающим предположениям можно добавить аргумент, рожденный художественной мыслью, ведь она, как известно, способна к прогностическим обобщениям. Такой образ женщины уже появился на экране кино. Это Елена, героиня одноименного фильма А. Звягинцева, победителя и лауреата нескольких отечественных и международных конкурсов.

Прекрасная русская женщина, медсестра — миловидная, статная, верная, терпеливая, заботливая — профессионально, с помощью противопоказанных лекарств, убивает своего позднего мужа-сердечника, грабит его сейф и жлет его дочери, оставляя ее без наследства. Всё для того, чтобы ее непутевый внук мог за взятку избежать армии, а семейство ее оболтусасына, бездельное и косноязычное, оккупировало пентхаус и занималось своим любимым делом — поплеывало семечки с высокого балкона. Оправданием ей служит не что иное, как идея социальной справедливости: «Какое вы, богатые, имеете право думать, что вы лучше? Потому что у вас больше денег и больше вещей?» Она не в состоянии справиться с социальным, моральным и когнитивным диссонансом между «моё» и «наше», и она почти спокойно становится убийцей доверившегося ей человека.

Этот сюжет — почти иллюстрация к известным закономерностям в характере вовлеченности женщин в девиантные и криминальные практики общества. Численно они включены в них меньше, так как все-таки более устойчивы к тяготам жизни, но вступив на стезю порока — будь то алкоголизм, наркомания, террор или анархия — они погружаются в него глубже и идут дальше мужчин, распад их личности оказывается быстрее и страшнее, чем мужской, а месть ожесточеннее и изобретательнее. В этом случае максима об увязшем кототке более чем справедлива. Если русская женщина оставит Россию своим печением или изменит ей — по сути своей психологии и культурной миссии, страну ждет неминуемый крах. Женщин, уже готовых ее оставить, в выборке данного исследования 15%.

Правда, хотелось бы убедиться, что в этом конкретном случае опрошенные хорошо понимают то, с чем соглашаются. Их краткие и, по большей части, безапелляционные ответы не содержат ни малейшей рефлексии по поводу реальной возможности такого события («родиться еще раз») и по поводу возможности сохранить при этом свою идентичность. Ведь если это обстоятельство респондентом осознается и он при этом соглашается с постановкой вопроса, то это тоже эскапизм типа «валить», но доходящий уже до смены не только страны, но и своей собственной идентичности. Такой рефлексией в этой группе отвечающих, как оказалось, не владеет никто. Никто не осознал полную смысловую конструкцию вопроса. Они мыслят эту невероятную ситуацию драматургически: «Я в других обстоятельствах», то есть интерпретируют вероятность другого рождения как простой переезд с места на место. И неясно, чего здесь большое — неполноты понимания и интеллектуальной обработки информационной структуры вопроса — или (возможно, здесь правда бессознательного) именно понимания сути того, о чем спрашивают: «валить» или «не валить», и неважно, в каких, собственно, выражениях это спрошено.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

Другими участниками опроса тезис «Не хочу еще раз родиться в России» часто подвергался упрекам в непатриотизме. Значит ли это, что доминирующее большинство остальных, то есть про-российских, мнений — это патриотическое отношение? Попробуем понять. Примем за точку отсчета скрытый смысл высказывания, спрятанную в нем провокацию, и проверим, как с ним работают ментальные установки 3-х позиций несогласия.

Ниже приводится полная структура смысловых группировок внутри этих позиций в сопровождении мотивирующих ключевых слов и анализа внутренних смыслов. Чтобы точнее понимать, на какой комплекс смыслов реагировали респонденты, стоит напомнить вопрос еще раз: «40% опрошенных порталом SuperJob не хотели бы еще раз родиться в России. Что Вы могли бы сказать этим людям?»

Кластер ответов «не осуждают, но не более того». Свою позицию отвечающие мотивируют следующим образом:

Толерантно: это их мнение, я уважаю их точку зрения / пусть живут по своим представлениям / я не сужу других людей / их мнение — их право /

Индифферентно: это их выбор / их личное дело / кому что нравится / каждому свое / не хотите и не надо /

Таких позиций придерживаются 13% опрошенных. Базовая объяснительная модель для данной категории ответов — это признание «других» людей в имманентном для них качестве, допущение их иного ценностного статуса и права на иные представления. В толерантной позиции звучит уважение чужого мнения, в индифферентной — скорее, нежелание вникать в суть дела. Самоопределение отвечающего охватывает только часть смысловой конструкции вопроса (Я — Другие), его полная семиотика не осознается и своя собственная позиция по сути проблемы не формулируется. Это «подвешенная» позиция с незавершенной рефлексией, неустойчивая из-за отсутствия собственной точки зрения. В ней трудно принимать решения. Кроме того, она легко «переворачивается»: будет «мое личное дело», «мой выбор» сменить страну пребывания или идентичность — смену, не особо затрундываясь.

Кластер «не согласны, думают иначе, предлагают альтернативы» — 42% опрошенных. Эта позиция содержит внутри еще 5 групп мотивировок, разных по направленности и по отношению к предпринятому троллингу, но выявляющих определенно про-российскую позицию и российскую идентификацию отвечающих. Основное отличие этой группы позиций от других — появление здесь готовности рефлексировать, конструировать альтернативы и противовесы простой оценке обсуждаемого мнения. Свое отношение отвечающие мотивируют исходя из нескольких базовых объяснительных моделей:

Эмоционально (сочувственно, но ничего не объясняя по сути) они не смогли реализовать себя как россияне / неудачники / мне их жаль / очень жаль / слабые люди / посочувствовал / зря / их жалко /

Прагматически: я думаю, это лучше, чем в Нигерии / родились бы в Африке, посмотрели бы на них / вероятность родиться в более худшей стране гораздо выше, чем в лучшей / что не только в нашей стране напряженная ситуация / они не реализовали себя в РФ. Почему уверены, что где-то будет лучше / радуйтесь, что не в Нигерии / есть страны и похуже, при-

чем их кол-во растет с каждым днем / зря, в Африке не лучше / ну, тупые. Родитесь в Африке / лучше не будет / глупо верить, что где-то лучше будет жить и работать / им просто не с чем сравнивать / а хотели бы вы родиться в Южной Америке или Африке? / желаем им родиться в одной из голодающих стран Африки / желаем родиться в Нигерии / не логично / есть государство, где жизнь гораздо хуже / травка всегда зеленее на соседнем участке / они хотели бы голодать в Африке? / смотря какие альтернативы были бы предложены / глупые люди, не делали глубокий анализ ситуации /

Иронически: чтобы они учитывали все риски / поэкспериментируйте / удачи за рубежом, ребята / красавцы! / не повезло с желанием / удачи с реинкарнацией / флаг в руки / Welcome to Nigeria / в России выживает сильнейший / прямо сейчас выдал бы вид на жительство в Монголии / вы верите в реинкарнацию? / встретимся в следующей жизни где-нибудь во Флориде / еще разок? / ну и не рождайтесь / удачи! / логично / не стоит отчаиваться до такой степени / все в ваших руках /

«Онтологически» (очень серьезно, «карма», судьба): мы не выбираем, где родились / уже поздно думать об этом. Они уже родились / это не выбирают / уже поздно / второй раз родиться нельзя, так что нечего хотеть — не хотеть / 2-й раз нельзя родиться / что в каждой стране есть свои проблемы, возможно, в России их больше, чем в других странах / пусть берегут карму / а второго раза не будет / каждый рождается там, где заслужил / это бегство от себя / судьбу не выбирают / страну не выбирают / «там хорошо, где нас нет» (часто) /

Ответственно: родился в России — служи России / нужно попробовать все исправить всем вместе, а не власти / мы сами должны стараться улучшить страну, чтобы в ней хотелось жить / мы сами виноваты в том, что у нас такая страна!!! люди, давайте меняться!!! Всё в наших руках!!! / это наш дом! Нужно не бежать из него, а делать лучше / не место красит человека, а человек место / а вы пробовали изменить ситуацию к лучшему? надо сделать так, чтобы здесь, в России было возможно процветать и жить счастливо / нужно стремиться проявить себя, а не винить страну / не нужно мечтать, а нужно делать то, что тебе хочется, из своей страны / давайте начнем с себя, чтобы следующие поколения хотели жить только в России / надеяться нужно всегда на лучшее, и все возможности в наших руках / не важно, где родился, важно кем быть / сказала бы: «Сделайте хоть что-нибудь (все равно где, в какой стране) чтобы продолжить великую культуру /

Несколько искусственно, но из этих пяти групп мотивировок можно попытаться выстроить тренд. Начинается с того, что формируются представления о «Других», они получают некоторую определенность. Так, часть ответивших обозначает их как неудачников, слабых людей, не сумевших реализовать себя в России, и это вызывает сочувствие и жалость. **Сожаление по поводу их решения и жалость к самим людям** — базовая объяснительная модель для данной категории ответов.

Для тех, у кого рефлексия идет дальше, возникает и вопрос: а что дальше? Где, если не в России? И выясняется, что само «решение» родиться в другом месте неверное: «Почему уверены, что где-то будет лучше», не факт, что родиться в лучшем месте, а попадешь куда-то, где еще хуже. Респонденты — люди

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

разного возраста, никогда не видевшие друг друга, наперебой предлагают одно и то же: Африка, в Африке — почему-то исключительно Нигерия, реже Южная Америка, один раз Монголия. Достаточно массовая, чтобы считать ее стереотипной, и формирующая вектор сравнений России со вполне определенными, отнюдь не престижными образцами, формируется **прагматическая позиция и мотивировка** своей российской идентичности.

И вот наступает прозрение: часть отвечающих распознает провокацию, реагирует на полную смысловую конструкцию вопроса — и осыпает градом насмешек тех, кто оказался неспособен понять троллинг. **Насмешка над неспособностью понять троллинг вопроса** — базовая объяснительная модель для данной, иронической категории ответов. Здесь есть рефлексия, есть интеллект для рецепции полноты информационной структуры вопроса, но сама ирония не дает возможности формировать позитивную альтернативу для решения проблемы, которая подразумевается — жить в России, чувствовать себя россиянином.

Но есть в нашей выборке серьезные люди. Они глубоко и позитивно мыслят, и обосновывают свою позицию **онтологически**, то есть по сути существования, и **ответственно**. Они понимают, что предлагаемый в вопросе выбор невозможен, второй раз родиться нельзя, что Родину, страну и судьбу не выбирают, что попытки так мыслить означают бегство от себя. И отсюда рождается мысль о действии: да, может быть, и хорошо там, где нас нет, но надо делать так, чтобы было хорошо, там, где мы есть. «Родился в России — служи России», «нужно пробовать все испробовать самим», «Это наш дом, надо стараться сделать его лучше». «Где родился, там и пригодился/сгодился» — базовая объяснительная модель для данной категории ответов. Ответов такого рода — не очень высокая доля, в целом по выборке — 14–15%, но очень важно, что и по этим серьезным, действительно ориентированным позициям, и в целом по блоку «не согласны, думают иначе, предлагают альтернативы» первенство принадлежит молодежной и средней группе опрошенных: **мыслящих о сути проблемы ответственно** насчитывается 45–42–30% в возрастных группах. И, разумеется, это патриотическая позиция — светлая, позитивная, оптимистическая.

И есть другой патриотизм, обличительный и пафосный. **Не согласны, резко осуждают** идею «не хочу родиться в России» 1% опрошенных, мотивируя свое отношение следующим образом:

Патриотически: «Я скажу не надо рая. Дайте Родину мою» С. Есенин / каждый **должен** быть патриотом своей Родины / Родину и родителей не выбирают / что они не патриоты / Россия не виновата, виноваты люди / нужно любить свою Родину и дом. Без дома нет человека / **нужно быть патриотом** своей страны, т. к. Родину не выбирают / вон из страны! / патриоты... / государство — одно, Родина — другое. У нас отвратительное государство, но великая Родина / наша страна воспитывает в нас самостоятельность, силу воли, поэтому наша нация самая сильная / у нас потрясающая страна с неповторимым менталитетом. Поэтому те, кому что-то не нравится здесь и кто считает, что за границей лучше, глупые и просто зажавшиеся люди. Пусть в некоторых странах живут лучше, зато у них жизнь менее «живая», менее наполненная всяче-

скими душевностями, которые есть у нас / Родину и родителей не выбирают! / вон отсюда, родину надо любить/ они не патриоты своей страны /

Обличительно: стыдно, товарищи! / стыдно за таких людей / меньше грешите / предатели / придурки / дураки / трусы / козлы / бред / сволочи / пусть валят на все четыре стороны /

В этом кластере намного чаще, чем в других, звучит слово «Родина» и высказывается мысль о том, что ее не выбирают, появляется слово «государство», а модальность высказываний приобретает характер должноствования: «нужно» быть патриотом, «должен» быть патриотом, «должен» любить Родину. Здесь же находится место и бранным ярлыкам в адрес нежелающих сохранять свое российское тождество: «дураки», «идиоты», «глупые, зажавшиеся люди» — таковы базовые **объяснительные модели этой категории ответов**. И уже не кажется странным, что здесь снова исчезает рефлексия полной смысловой конструкции вопроса, не замечается интеллектуальная провокация, суждения выносятся с пафосным, осуждающим, нерассуждающим напором. А главное — пропадает целевая направленность на действие, улучшающее жизнь. Количественно в позиции «Не согласны, резко осуждают» примерно столько же ответов, сколько в оптимистической «Думают иначе, предлагают альтернативы», а вот по возрастным группам ответы распределяются в обратной пропорции: 8–13–28% в возрастных группах от младшей к старшим.

В Таблице 4 представлено количественное распределение ответов в соответствии со всеми выделенными смысловыми категориями.

Т а б л и ц а 4. Отношение к тезису «Не хотел бы еще раз родиться в России» (% от числа опрошенных, 419 чел.)

	%%
Согласны, поддерживают, одобряют	27
Безусловно	25
Условно, с оговорками	2
Не осуждают, но не более того	13
Толерантно	3
Индиферентно	10
Не согласны, думают иначе, предлагают альтернативы	42
Эмоционально	10
Прагматически	9
Иронически	9
«Онтологически»	7
Ответственно	7
Не согласны, резко осуждают	13
Патриотически	9
Обличительно	4
Всего по позициям 2–4	67
Другое (не знают, затрудняются ответить)	5

При таком семантически и семиотически сложном тексте, как в данном случае, дистиллированной точности квантификации однозначных смыслов добиться не удастся. Вот почему ругаться можно только за основные пропорции распределений, но и это показательно.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

КРОКИНСКАЯ Ольга Константиновна / Olga KROKINSKAYA

| Слово как единица повествования |

Два заключения

Эмпирическое: страха нет. Итак, на основании анализа данных, полученных по нескольким разделам представленного в статье проекта, можно сделать некоторые выводы. В условиях диспаритета и дискommunikации в отношениях власти и общества, вызванных дисфункциями власти, в настоящее время в ситуации мегаполиса с высокообразованным и высококвалифицированным населением, страхи и фобии не занимают сколько-нибудь ведущего места в социальном климате сообщества. Они мало заметны на фоне других общественных деформаций, скорее, морального и сущностного (онтологического) характера. Все вместе это формирует для российской идентичности населения спектр объяснительных позиций, в котором доминирует неполнота понимания происходящего, бесцельность и релятивизм, а «духовная скрепа» патриотизма носит двоякий характер: с одной стороны, обличительно-без-

действенный, но с другой — все-таки, оптимистически-конструктивный. Можно говорить также о наличии в общественном сознании города (а также, видимо, такого типа поселения, как крупный культурный город, мегаполис) достаточно осознанных запросов на развитие гражданского общества, а в его массовом сознании — созревающих предпосылок к этому. А социального страха, который бы этому препятствовал — нет.

Методологическое: Надеюсь, мне удалось показать, что «нарративный поворот в социологии», действительно, приносит свои богатые результаты. Причем не только в рамках отдельных крупных направлений и методов (глубинные интервью, микроистория, рассказанная биография и другие), — ему есть место и в традиционной социологической работе. Надо только верить людям на слово и верить себе как профессионалу, который строже чем кто бы то ни было следит за точностью процедур.

